

Писать о прозаике Леониде Симачеве легко, он писатель, что называется, от Бога, и когда читаешь его рассказы, то радуешься — повезло-то как, что набрел на его сочинения, и вот глоток, другой — экая услада для сердца.

Но повезло и Симачеву, хотя бы потому, что родился он не в светской семье или в семье торговца, и выросстал не в окружении публики, для которой казаться, а не быть, — норма существования.

Симачев родился в семье железнодорожника на станции Сковородино (прежнее название — Рухлово), где воздух пропитан запахами дегтя и угля, где нравы грубоваты, но искренни, бесхитростны. Он закончил мореходку, плавал радистом на судах китобойной флотилии «Владивосток». Между делом отучился на заочном отделении Литературного института имени Горького. Судьба должна была понести его по всеям России, а Симачев снова вернулся на малую родину, там и живет какой уже год. Крепкая биография. Подобная судьба может растворить личность в житейских тяготах — а может и закалить характер. Но вероятность стать — на таком бетонном фундаменте — лирическим писателем мала, даже ничтожна. Но, между прочим, весь XX век опроверг мнение, что художественная литература, или, говоря старомодно, изящная словесность, есть удел избранных, с голубой кровью, на псковском оброке взятых. Назову не имена, а книги. «Река Потудань», «Привычное дело», «Матренин двор», «Пастух и пастушка», «Люблю тебя светло» — бессмертные баллады, спетые строгими, чистыми голосами выходцев из низов народа. И явление это — высококлассная, классическая по духовной наполненности литература — косвенно свидетельствует о том, что нравственный ресурс революции 1917 года был велик, и кабы ее, революцию, не оседлали сатанинские силы...

Леонид Симачев — лирик, поэт в прозе, ему подвластны тончайшие нюансы, оттенки, тихая аранжировка. В лучших своих рассказах Симачев работает над словом деликатно и точно, нигде

не переходя в игру со словом. Сцены, создаваемые им, всегда органичны и целомудренны, нет натурализма, нет надсады. И нет подлаживания под псевдонародный (и пошлый) стиль.

У Леонида Симачева всюду соблюдена мера. А это и есть свойство таланта истинного, глубинного. Приведу несколько примеров.

«Боцман сидел на кормовом шпигеле спиной к судну. На коленях у него была гармошка, на которой, как на плахе, лежала его склоненная голова» (боцману изменила жена). Тройное «на» читатель простит — ибо голова на плахе... И вот разговор матросов о боцмане:

« — Ну что с ним, Дмитрий?

— А ничего... Выпил весь тройной одеколон, какой был в каюте, взял гармошку и теперь со звездой говорит».

Или: «Стояла августовская ночь. Он лежал на террасе, где постелила ему мама. Лампу поставил на старую табуретку в изголовье. На террасе чуть пахло керосином, поджаренным хлебом и еще ранними яблоками. Этот тонкий запах всегда вызывал слюну у него, даже когда он не был голоден. От неплотно закрытых окон тянуло свежестью и садом, было слышно, как где-то рядом попискивает летучая мышь».

Или: «В столице стояла дождливая и холодная, с мокрым снегом по вечерам, осень. — (Вдумайся, читатель, в эту фразу еще раз. Вслушайся. «Осень, с мокрым снегом по вечерам», — это, не побоюсь сказать, бунинская школа). — Вот и теперь волглые сумерки с дымными снежными тучами вперемешку придавливали город...»

Деталь у Симачева всегда точная, изысканной не назову ее — но проникновенная, простреливающая сердце навывлет. Леониду Симачеву пятьдесят с небольшим. Он в расцвете сил, и у дальневосточных писателей есть шанс поучиться мастерству и сердечной интонации у собрата по перу.

*Борис Черных,
член Союза российских писателей.*